

Предисловие

Иногда я сам не верю в то, что произошло, что уж говорить про остальных. Остальные смеются.

Конечно, я мог бы спросить Грушу. Если бы она была в уме. Но то, что случилось, надолго вышибло ее из границ вменяемости. Может быть, навсегда. Хотя доктора говорят, надежда есть.

Так что я один. Один со своею памятью, один со своими вопросами.

Вопросы... Их много. Одни сплошные вопросы. Я бы мог попытаться ответить на них, мог бы постараться. Но не буду. Потому что иногда вопросы гораздо важнее ответов.

Я один. Хотя нет... Там, далеко, так, что не видно в самый-самый сильный телескоп, так, что не слышно самому-самому чуткому радару, плывет она.

Планета Призрак.
Самое страшное место.

ГЛАВА 1

Нечеловеческие уши

— Я буду жаловаться, — без выражения сказал смешной тип и хрястнул дверью.

Дверь, конечно, не хрястнула, за сантиметр до косяка остановилась и бережно, бесшумно притворилась. Так тихонечко-тихонечко.

Это привело типа в недоумение, а потом еще в раздражение. Тогда он дверь еще и пнул.

А зря.

Его нога коварно завязла в дверном полотне, он дернулся, взмахнул руками, упал на пол. Тут же вскочил. Хотел кинуться на дверь уже с разбегу, но передумал. Правильно сделал. Эти двери пинай не пинай, ничего не выпинаешь. Специсполнение. У нас все — специсполнение. Дверь не пнуть, на подоконник не сесть, после десяти лет бегать нельзя — подошвы к полу прилипают. Да вообще во всех школах специсполнение, на всей планете. А он не знает. Дикий... И совсем не смешной, тут я не прав. Не смешной, другой какой-то, я не понял. От него исходили какие-то волны, будто он искажал вокруг себя пространство. Что-то не то...

Уши вот странные... Такие, альтернативные. В смысле формы. У людей ведь какие уши обычно — большие, маленькие, острые, круглые. Длинные еще ино-

Эдуард Веркин

гда встречаются. А у этого какие-то ненормальные — мочки неестественно выпрямлены вниз. Никогда такого не видел. Нечеловеческие уши, в общем.

Странноухий скрипнул зубами, подошел ко мне и зачем-то сообщил:

— У меня дядя — черный егерь, между прочим.

— Ого... — протянул я. Больше не придумал, что сказать.

— Их же распустили, — влез сбоку всезнающий Жуков. — Еще двадцать лет назад, я видел фильм.

— Да, он в отставке, — грустно сказал тип. — Но у него остались связи, я ему скажу... сейчас же...

Но сейчас же говорить почему-то не стал. Постоял немного, почесал подбородок, пошагал быстро по коридору куда-то. Вполне может быть, что к дяде. Жаловаться ему в непосредственной форме.

— Это же Барков, — зевнул Жуков. — Ты что, не знаешь?

Барков? Ну и что? Никакого Баркова я не знал.

— Про «Блэйк» слышал? — спросил со значением Жуков.

Про «Блэйк» я слышал. Жуткая история. Хотя информация была весьма обрывочная, общественное мнение не хотят беспокоить, а само оно беспокоиться тоже не спешит. «Блэйк» — база где-то в районе Беты Живописца. Висели там в пространстве, наблюдали за звездными дисками, а потом все — как в кино: связь с базой была утрачена, и к Живописцу отправили карантинную группу, которая выяснила, что все взрослые с базы «Блэйк» исчезли непонятно куда, остались только дети. Там у них какой-то феодализм возник, или того хуже, точно не знаю. Объяснить, куда делись взрослые, дети не могли. Говорили, что ушли. А еще те дети очень ловко кидались самодельными ножами.

— Барков там был, — сказал Жуков. —

А потом ребят с «Блэйка» распределили по разным школам и запретили им за пределы Системы выходить. Но они все рвутся в космос. Центробежный синдром. Вот и Барков тоже рвется.

— Что-то я его раньше не видел в школе, — заметил я. — Наверное, хорошо рвется.

— Так он только на экзамены приходит. Высокая степень социопатии, ему с другими нельзя, плохо на них влияет. Психика расстроена. Еще не успел восстановиться.

Жуков огляделся и добавил уже шепотом:

— Говорят, они-то всех своих родителей и перебили!

Я поглядел вдоль коридора, но Баркова уже не было, убежал.

— Чушь, — сказал я. — Такого не бывает.

— Чушь не чушь, а родители их куда-то подевались, — уже громко сказал Жуков. — Это факт.

Дверь в кабинет приоткрылась, и Жуков замолчал. Но вызвали усатого парня из старшей параллели. Жуков ругнулся, но негромко, чтобы не услышали.

Мы стояли на втором уровне административного здания и ждали распределения на летнюю практику. Всех остальных распределили еще месяц назад, а сейчас путевки выписывались тем, кто остался. Разным там освобожденным, больным, опоздавшим, лодырям.

Вот Жуков — он вечно опоздавший. Опаздывает везде и всегда. А Барков, наверное, больной. А я...

Я не освобожденный, я лодырь.

Ну, не то чтобы совсем закоренелый, но лодырь. У меня созерцательное восприятие мира: я не могу ничего делать, но оцениваю, как это делают другие. Раньше я был бы дегустатором, или художествен-

Эдуард Веркин

ным критиком, или даже философом, а в наше скучное время все эти профессии себя изжили. Нет, вообще-то каждый может дегустировать и критиковать сколько ему влезет, но в свободное от настоящей работы время. А если просто только дегустировать, то тут... Ну, короче, сложности возникают.

Не любят у нас таких, как я.

Вот и сейчас. Всех распределили в приличные места — кого на Викторию, кого на Песчаный, на Зарю, то есть на светлые, спокойные красивые планеты, изобилующие пляжами, прозрачными ручьями и тенистыми рощами. Там на кустах растут финики, а черника размером с грецкий орех и сама из себя варенье варит. И там есть такие минералы, которые песни даже умеют петь. Ничего этого мне наверняка не видать. Меня загонят на какой-нибудь скучнейший Меркурий, и целый месяц не вылезешь из экзоскелета, а пить будешь лишь то, что... Ну, короче, разную отфильтрованную дрянь.

А еще говорят — равенство... Какое там равенство, если созерцательная личность ущемляется на каждом шагу? Я с ранних лет стараюсь быть вне общества — и оно мне мстит. Жестоко мстит.

Дверь открылась, показался усатый.

Выглядел он довольным. Жизнерадостным таким.

— Места еще, видно, хорошие остались, — прокомментировал Жуков. — Может, и нам повезет...

— Вряд ли, — возразил я. — Мне-то уж точно не повезет. Я их методы знаю — любят трудом перевоспитывать...

Я хотел уже подробно рассказать Жукову о том, что современная педагогика построена на в корне неправильном представлении о формировании гармоничной личности, но тут вызвали меня. Я бы-

стренько напустил на себя выражение усталой презрительности и вошел в кабинет.

Комиссия состояла из трех персон.

Майя Ивановна Гучковская, старший педагог, женщина твердой закалки, лодырей не переносит. Сама до сих пор работает, хотя ей уже за восемьдесят.

Помню, некто Томский из младшей параллели смастерил X-сканер и втайне всех в школе просвечивал, так вот он сообщил, что у Гучковской кевларовое сердце. Или даже железное. Короче, не свое. Ей будто бы предлагали неоднократно сделать нормальное сердце, человеческое, но она отказалась, сказала, что железное ей больше нравится.

Вторая персона — Игорь Бек, старший педагог, мужчина с настоящим сердцем. Добрый. Вполне может быть, что он меня пожалеет. Он всех жалеет. Правда, жалость у него своеобразная: на Меркурий не загонит, зато пошлет на какие-нибудь орбитальные плантации, отгонять вредителей от циклокукурузы. А цикловредители величиной с кулак и в невесомости летают, как пули настоящие...

Третья — Марьяна Бежкова, старший педагог. Про нее ничего не скажу, она у нас недавно. Но лицо у нее слишком уж открытое. Скорее всего, Бежкова будет солидарна с Гучковской.

Короче, шансов у меня немного.

Поэтому в кабинет я вошел с легким сердцем, уже смирившись с Меркурием, и любой исход воспринял бы спокойно.

— Так-так... — Гучковская принялась перебирать мои бумаги, хотя и без них все про меня знала. — Так-так...

— Проходи, Тимофей, садись, — предложил мне Бек. И ручкой указал, куда именно садиться.

Эдуард Веркин

Вообще хочу сказать, что имя Тимофей — самое глупое во Вселенной. Оно похоже на синтетический валенок. Или на старую крысу. Нет, на старую крысу, живущую в синтетическом валенке. Поэтому я всех прошу называть меня Тимом.

Я прошел и сел.

— Так-так... — продолжала в том же духе Гучковская, листая файлы моего личного дела. — Так-так...

— Куда бы ты хотел отправиться? — вежливо спросил Бек. — Практику-то отрабатывать придется...

— Я выбрал местечко, — ответил я. — Хотел бы на Зарю, на Розовые Пляжи, спасателем. Такая суровая, изнуряющая работа на самом переднем крае борьбы...

— Тимофей, давай не будем шутить, — мягко попросил Бек. — Это ведь очень важно. Практика — серьезный шаг, почти как выбор будущей профессии.

Нет для меня профессии, я уже докладывал. Поэтому я так им и сказал:

— Вот и я о том, Игорь Леонидович. Я выбрал себе будущую профессию — хочу быть спасателем! Вы только представьте — свинцовые волны накатываются на каменный берег, седое солнце опускается за горизонт, я, мужественный и непреклонный, смотрю в бинокль. И чу — слышу крик... Тонет ребенок! Или лучше нет — олимпийская чемпионка по гимнастике! Я стремительно бросаюсь в студеные воды и, рассекая грудью пучину, устремляюсь к страждущей...

— Тимофей, — остановил меня Бек, — «страждущая» — тут несколько не то слово.

— Так-так... — Гучковская захлопнула мое дело, передала его Бежковой.

— Мне кажется, довольно балагана, — с улыбкой сказала Бежкова. — Нам всем ясно, что Тимофей не собирается исправляться...

— Я как раз наоборот — собираюсь! — заверил я. — Что может быть благороднее — спасти людей на пляже...

— Не перебивай! — перебила меня Бежкова. — Ты не собираешься исправляться, это понятно. Но мы даем тебе такую возможность...

— Я так и знал! — воскликнул я.

— Ты отправляешься в лагерь гляциологов¹ «Пири».

— Это где? — спросил я. — В Сибири?

— Это не в Сибири, это на Европе.

— Нормально. В Европе — это хорошо. «Пири», кажется, в Норвегии находится?

— Тимофей, — голос Бежковой стал вкрадчивым, — я же сказала не «в Европе», а «на Европе».

Ох уж мне эта Бежкова! Наверное, она из Вытегры. Тамошний педвуз славится своей небывалой жесткостью.

— Тимофей, — улыбнулся Бек, — Европа не в Сибири. Европа — там.

И Бек указал пальцем в потолок. В небо. Туда, где за миллионы километров от административного здания нашей школы вертелся в пустоте вымерзший спутник Юпитера, открытый Галилеем в 1511 году. А то я и сам не понял! Я лодырь, а не дурак.

Повезло.

— Европа, — с удовлетворением повторила Бежкова. — Лагерь гляциологов «Пири».

Я же говорил. Все у них уже решено заранее.

¹ Гляциолог — специалист, занимающийся гляциологией, наукой, изучающей свойства льда. (Прим.ред.)

Эдуард Веркин

— Спасибо за доверие, — закивал я. — Обещаю не уронить честь земного гляциолога. Буду нести высокое звание гляциолога до последнего вздоха...

— Завтра в десять в порту. Шестой док, ангар восемнадцать. Все.

— Как завтра?! — возмутился я. — Я же еще не готов...

Гучковская уставилась на меня своими стальными глазами, и я понял, что спорить бесполезно.

— С детства мечтал стать гляциологом, — грустно вздохнул я. — Во сне видел. Грезил в минуты...

Бек весомо приложил палец к губам. Понятно. Еще пара слов — и засандалят на Меркурий. Или еще хуже — в Меркурий. В шахты.

И я удалился.

— Ну что? — сочувственно поинтересовался Жуков.

— Заря, Розовые Пляжи, — небрежно ответил я. — Спасателем.

— Повезло... — Жуков потер нос. — А я опоздал, наверное...

— Там еще в гляциологи записывают, может, успеешь.

И я ушел.

ГЛАВА 2

Лодырь, фанатичка, параноик

Я не люблю ничего делать, мне нравится, когда все делают за меня. Когда мне приходится чем-то заниматься, то на меня такая скука наваливается, что даже все болеть начинает.

Ну, мне, конечно, старались привить всякие полезные для общества качества, но они так и не привились, засохли на корню. Вот гляжу я на своих деятельных сверстников и вижу: они точно произошли от обезьяны — все время что-то делают. А я произошел от ленивца. Потому что не люблю ничего делать. И не вижу в том ничего предосудительного. Я ведь никому не мешаю! Ну, и не делаю я ничего, от этого же никому совершенно никакого вреда. В наши дни народ с голоду не умирает, даже наоборот. Я бы с удовольствием всю жизнь пролежал. Но отец так настроил всю лежащую мебель в доме, что днем на ней лежать решительно невозможно. Даже мой диван меня безжалостно предал — едва я приближаюсь к нему на метр, как он растекается по полу.

Впрочем, такими мелочами меня не остановить — я лежу на полу. Эх, мне бы в спокойный двенадцатый век... В крайнем случае — в еще спокойный тринадцатый... Вот бы я там пожил...

А теперь вдруг Европа.

Конечно, я подозревал, что распределение на Европу — тоже часть большого плана по переделыванию меня как вида. Последняя их надежда. Ладно... На Европу, конечно, придется лететь, тут уж не отвертишься. Однако это совсем не означает то, что я буду там всю перековыряться. Я сохраню свои принципы, пронесу их сквозь огонь... Хотя стоп, там, кажется, нет никакого огня, там лед. Ну, значит, я пронесу свои принципы сквозь лед. Вот так.

Я вернулся домой. Сообщил родителям.

Отец был рад. Он высказался примерно в таком духе: мы с матерью воспитывали тебя в любви к труду, в любви к знаниям, как и всех твоих братьев. Твои братья стали приличными людьми, а ты почему-то не стал. Такое случается. Но ничего, перевос-

Эдуард Веркин

питать человека можно в любом возрасте. Ты повзрослеешь, поумнееешь, а месяц на Европе еще никому не повредил. Вернешься другим человеком.

Я ему сказал, что не хочу быть другим, что хочу оставаться лодырем. А почему нет? Если я буду лодырем, никому от этого плохо не будет...

Отец с горя ушел на балкон. Я — его разочарование.

Мать тоже порадовалась моему распределению. И пустилась в воспоминания, как она в свое время строила телескоп на Альтее и как там было весело: все лопали лапшу из гидропонных водорослей, пели песни...

Ну да, а я буду грызть лед и стучать зубами.

Короче, поддержки внутри семьи я не встретил. Ну ладно, подумал я, покажу я им Европу. Они у меня вздрогнут. Я им всю их гляциологию испорчу! Будут знать!

И лег спать.

А когда проснулся — довольно рано, в шесть, — не теряя времени на разговоры с родителями и долгие проводы, отправился в сторону порта. Шестой док, ангар восемнадцать.

Добирался почти час, но прибыл, кажется, рано. Возле восемнадцатого ангара было тихо. Никакой активности, тишина, будто тут «вату» вокруг распылили. Я побродил вдоль желтого забора, затем подошел к обширным воротам, постучал пальцем. Тишина. Может, они уже улетели без меня? Вдруг случилось такое чудо...

Но для очистки совести я постучал еще раз.

Напрасно я так сделал.

— Ты кто? — спросил через ворота неприветливый голос.

Вопрос подкрепился весьма неприятным пощелкиванием, каким работают плазменные сварочные аппараты. Мой дядя Леня как-то раз с помощью такого аппарата строил элинг и по неумению разрядил его в крышу. Так плазма проела и крышу, и катер, и бетонный пол. И мне почему-то казалось, что сейчас такой аппарат нацелен в меня.

К тому же голос показался мне знакомым. Глухим, бархатистым, внушающим смутные подозрения.

- Я на практику. Меня направили.
- Фамилия? — строго спросил голос.
- Павлов, — ответил я.
- Имя?
- Тимофей.
- Задание?
- Какое еще задание, у меня практика...

Пощелкивание прекратилось. Что-то глухо звякнуло, после чего ворота ангара растворились, и передо мной предстала она.

Опасения мои оказались не напрасны. Более того — все оказалось хуже, чем я предполагал. Передо мной стояла не кто иная, как сама Аполлиария Грушневицкая, по прозвищу Груша. Победительница многочисленных олимпиад по биологии, ретро-туристка, особа с аналитическим складом ума, исследовательница, соучредитель и активистка экстремистской организации «Звери как люди», ставящей своей целью роспуск всех зоопарков мира. Еще рассказывали, что Груша своими корнями уходит к древнему племени тибетских горных женщин, которые питались только мясом снежных барсов, спали на снегу и нападали на окрестные селения с целью похищения мужчин для продолжения рода.

Эдуард Веркин

На тибетскую горную женщину она походила. Своей нестандартностью. Груша была моей ровесницей, но потому, что она сильно опережала всех в росте и интеллектуальном развитии, училась она на два уровня выше. Чем была весьма горда. По-моему, как раз ее перевоспитывать надо, а не меня... Но ее никто не перевоспитывал. Наверное, потому, что она занималась делом.

Повезло. Вот повезло, дальше не бывает! Ничего ужаснее и представить нельзя. Груша возвышалась надо мной, как гора. Сходство увеличивала странная расцветка ее комбинезона — какая-то горнорудная, под цвет серого гранита. Из-за этой расцветки и от самой Груши несло бесконечной тоской. И вообще она была неприятной. А самое неприятное в ней то, что фигурой своей Груша напоминала одноименный фрукт.

Хотя, если быть совершенно объективным, надо признать, что на лицо Груша вполне ничего. Пожалуй, она даже красива. Но борцовский рост в совокупности с лишними килограммами создавали удручающее впечатление. Так что лицо не помогало.

И еще косички. Из-за ее головы торчали в стороны мелкие мышинные косички, правая с красным бантиком, левая с синим.

— Павлов, — ласково промурлыкала Груша, — вот ты-то мне и нужен, голубчик.

И мне стало страшно. Я подумал, что лучше бы меня сослали на Меркурий. В шахты. Фильтровать плесень. Голыми руками. Груша была хуже всякого профессора.

— Заходи, дружок, — Груша улыбнулась.

— А ты что, тоже... ну, в смысле, на Европу? — осторожно спросил я.

— Я не в смысле на Европу, — грозно сказала Груша. — Я на Европу. А вы вместе со мной.

— С тобой? — поморщился я.

— Со мной. Или ты что-то имеешь против?

Груша придвинулась.

— Я вообще-то... того... Меня в лагерь гляциологов направили на практику...

— Тебя ко мне направили, — прищурилась Груша. — Я твой гляциолог. Будем искать жизнь.

— Где?

— На Европе. Я полагаю, что там есть жизнь. Возможно, даже разумная. И мы ее найдем.

Груша показала мне кулак. Будто именно я являлся главным противником обнаружения разумной жизни на Европе и вообще в космосе. Угораздило, подумал я. Во всех семидесяти восьми исследованных системах не найдено никаких признаков разумной жизни, а Груша хочет найти их здесь, почти под боком.

— Заходи, — сказала Груша. — Брось пожитки в бокс.

Мне почему-то стало не по себе. В бокс заходить совершенно не хотелось. И пожиток у меня не было. Если уж меня записали в гляциологи, то пусть пожитки мне сами предоставляют.

— Ты чего? — с прищуром спросила Груша.

— Ничего...

— Боишься? — В голосе Груши появился сарказм. — Меня?

Еще бы не сарказм — она была выше меня на голову и значительно шире в плечах.

— Боишься, — презрительно констатировала Груша.

— Да не боюсь я ничего!

И я вошел в ангар.

Эдуард Веркин

Внутри было почти пусто. Стояла платформа с какими-то железными ящиками-боксами, а больше ничего не было.

— И где же... — Я начал разворачиваться и понял, что попал в ловушку — Груша уже перегородила выход.

Нет, справа и слева от нее оставались еще небольшие пространства, и если дернуться с душой, то можно успеть... Но я решил, что рисковать не стоит.

Путь к отступлению был отрезан. А в руках у Груши появился плазменный сварник. Я не ошибся на счет того неприятного потрескивания.

— Давай проясним обстановку, — дружеским голосом сказала Груша. — А то потом поздно будет.

— Давай... — согласился я.

— Во-первых, научный, административный и всякий прочий руководитель экспедиции — я.

Груша нажала на гашетку сварника. Между электродами проскочила слепящая искра, запахло горячим воздухом.

— Что ты сказал? — спросила она.

— Я говорю — прекрасная идея. С твоим-то опытом...

Идти против системы — одно дело, но идти против такой вот особы... Короче, я не захотел с нашей красавицей связываться.

— Что ты там проямлил?

— Я говорю — ты здорово придумала. А что во-вторых?

— А во-вторых, то же самое, что и во-первых! Мне Майя Ивановна сказала, что ты хороший парень, она тебя мне рекомендовала...

Груша спрятала сварник за пояс.

Ну, спасибо! Спасибо, старший педагог Майя Ивановна Гучковская. Я вам этого никогда не забуду.

— Правда, она сказала, что ты немножко лентяй... — Груша задумчиво поглядела на свой здоровенный кулак. — Немножко лодырь...

— Я не лентяй, — тут же возразил я. — Я просто...

— Вот и хорошо, что ты просто, — перебила меня Груша и распорядилась: — Бери вон те ящики и грузи их на платформу.

«Вот дура!» — подумал я. И стал грузить ящики. Ящики были нетяжелые, но, видимо, научно ценные. Во всяком случае, в них что-то брякало.

Когда в одном из ящиков брякнуло погромче, Груша повернулась в мою сторону.

— Эй, ты! — рыкнула она. — Смотри у меня! Руки оторву!

— Вообще-то меня Тим зовут, — сказал я.

— Тимка, значит. Тимоня... — кивнула Груша. — Это хорошо. У меня так хомячка звали. Мерзкий был хомячишка, пакостный. В руку его возьмешь, а он сначала укусит, потом нагадит, затем снова укусит... Я его — чик-чик!

И она мне подмигнула.

Что означало ее «чик-чик» — выяснить мне совсем не хотелось. Но Тимке я посочувствовал. Любой, попав в руку Груши, на его месте поступил бы так, как поступил он.

— Грузи осторожно, пока я добрая! — прикрикнул научный и прочий руководитель.

Я продолжил погрузку. Сама Груша в работах никакого участия не принимала, громко зевала и бродила по ангару туда-сюда кругами.

Так продолжалось минут десять. Потом со стороны дока послышалось легкомысленное посвистывание — кто-то приближался.

— Приятель твой идет, — хихикнула Груша и снова взялась за сварник. — А ну, бегемотик, отойди-ка в сторонку, щас я его... поприветствую.

Эдуард Веркин

Я отошел. А то она еще и меня заодно сгоряча поприветствует.

— Тут кто-нибудь есть? — спросили снаружи.

— Есть-есть, заходи, — пригласила Груша.

В ангар вошел Барков. Я его сразу узнал. Вот по его нечеловеческим ушам.

Барков вошел, огляделся. Скинул на пол небольшой пятнистый рюкзак.

— Ушастик какой... — умиленно прошептала Груша.

— Я не ушастик, — попробовал было возразить Барков.

— Ушастик... — Груша улыбнулась и опустила свой плазморез.

Барков покраснел.

— Меня Петром зовут, — буркнул он.

— Петя... — протянула Груша.

Мне почему-то стало жалко Баркова. Груша смотрела на него, как смотрят на любимого котика. Смотрят, умиляются, бантики завязывают, а когда котику захочется гулять, отводят его к ветеринару и избавляют от проблем. А потом еще больше им умиляются, рубашечки шьют...

— Ты ведь тоже с нами? — ласково спросила Груша.

— Вы на Европу?

— На Европу. Немножечко поработаем. Ты знаешь про Европу?

— Ну... — Барков мялся. — Европа — спутник Юпитера. Серьезных экспедиций не проводилось, стационарная база «Пири», возможно наличие океана...

— А в нем жизнь! — просияла Груша. — В океане! И мы ее найдем! Ты хочешь найти жизнь, Петя?

Барков мрачно кивнул.

А мне хотелось не жизнь найти — мне хотелось смеяться. Но я не осмеливался.

— Мы тут уже... — Груша обвела руками ангар, — грузимся. Всего пара ящичков осталась...

И она легко забросила два оставшихся контейнера на платформу. После чего туда же погрузились мы сами, Груша плюнула через левое плечо, и наша отличная компания отправилась на старт. На самом деле — отличная компания (еще раз спасибо Гучковской Майе Ивановне!): девушка-экскаватор Груша, плюс психически нестабильный Барков со станции «Блэйк», который со своими родителями неизвестно чего сделал и всю жизнь прожил в феодализме, да принципиальный лодырь, я, Тимофей Павлов.

Фанатичка, параноик и лодырь. Да...

Почти полчаса мы блуждали среди старых доков, заполненных полураспиленными клиперами, ржавыми баржами вековой давности и другой рухлядью, которую не успели утилизировать. Я уж с надеждой подумал, что мы заблудились. Однако такого счастья тоже не случилось.

Миновав длинную гору, нет, даже целый хребет каких-то совершенно непонятных обломков и обрезков, и чуть не врезавшись в гнилую цистерну, платформа остановилась.

— Вот он! — с непонятной мне гордостью объявила Груша. — Наш корабль.

Я хотел засмеяться, но вовремя спохватился.

«Валендра». Не знаю, кто придумал такое имя для корабля, но оно ему вполне соответствовало. «Валендра» была даже не посудиною — она была настоящей лоханью. То ли полуклипер, то ли буксир, трудно сказать. Скорее всего, прогулочная яхта. По форме она походила на лежащий на боку пузатый пузырек. Однако одной пузырьковой формой оригинальность нашего судна не ограничивалась. Оригинальностей хватало. Внешний керамик кое-где отслоился, и из-под него виднелся ржавый корпус, а в некоторых местах я даже заклепки разглядел. Но

Эдуард Веркин

лучше бы он отслоился совсем. Потому что в тех местах, где он не отслоился, имела роспись. Самодельного происхождения. Ничто во всем мире не могло быть ужасней той росписи: по желтому пластику прыгали умильные котики, щеночки, белочки, крокодильчики, зайчики и другие столь же жизнерадостные твари. Нарисованы все они были без всяких затей, просто, в стиле раннего примитивизма. Распылителем. И я даже подозревал, чьих рук это было дело. Но подозрения свои предусмотрительно оставил при себе.

Но самым позорным в нашем корабле была не форма и не расцветка. Самым позорным были треугольные фальшь-рули, приспособленные на корму. Они придавали «Валендре» законченно идиотический вид. Такие ракеты рисуют в своих альбомчиках дошколята. Хотя рули, наверное, приделали все-таки раньше, еще до Груши, для какого-нибудь детского праздника или карнавала. А может, детсад какой в лунный зоопарк вывозили, кто его знает. Потом корабль списали и отдали Груше.

— Я сама его восстановила, — похвасталась Груша.

— Чудесный корабль, — серьезно сказал я.

— Да-да, — быстро согласился Барков. — А на нем во внешний космос можно?

— Конечно, можно, — заверила Груша. — Только кто тебя туда без навигационной лицензии пустит?

— Оно верно... А кто у нас системным пилотом будет?

Тут Груша надулась еще пуще, расправила плечи и даже вроде еще выше стала. Я испугался в очередной раз.

— У тебя есть допуск? — удивился Барков.

— Разумеется, есть. У меня второй класс. До Европы дойдем только так.

Но я что-то сильно сомневался. Сомневался, что такая вот рухлядь вообще оторвется от Земли. Да она же развалится при старте, даже без приборов видно!

— Это полностью моя экспедиция, — продолжала важничать Груша. — Корабль мой, и я сама его пилотирую. Получено научное согласование с Академией, исследование включено в текущий план работ, научным руководителем сам Хопот выступает.

— Ого, сам Хобот! — восхитился я.

— Хопот, — нервно поправила Груша, — известный экзомикробиолог.

— Ну да, именно экзомикробиолог... А в честь кого корабль назван? Название такое странное...

— В честь одной... Поменьше спрашивай, побольше работай.

— Хорошо-хорошо, — согласно закивал я. — Просто редко кто сейчас так корабли называет. «Чучундра»... Конечно, что-то тут такое есть...

Барков хихикнул. Груша взглянула на него с обидой, а потом подступила ко мне.

— Его зовут «Валендра»! — Груша сунула мне под нос кулак. — «Валендра», а никакая не «Чучундра»!

— Понятно-понятно... — опять согласился я.

— Ты поменьше умничай, Тимоня! Я этого не люблю. Помни про хомячка.

— Я помню.

— Грузи боксы!

Груша скрипнула пальцами.

Я осторожно, чтобы не развалилась от дуновения ветра, приблизился к «Валендре», отыскал люк, открыл и принялся составлять в него ящики. Барков сунулся было мне помочь, но Груша не позволила:

— Ты, Петя, пойдешь со мной. Надо там закрепить оборудование.

Эдуард Веркин

Барков испуганно поглядел на меня. Я пожал плечами.

— Одной мне не справиться, — Груша поглядела на Баркова с особой пристальностью.

Барков сник. Груша свистнула.

Из-под днища «Валендры» выдвинулся старомодный трап в виде лесенки, и Груша ловко полезла по нему вверх. Барков за ней. Я остался один.

Мое наказание приобретало гротескные, даже сюрреалистические формы. Через несколько минут я отправлялся в поход на самую загадочную луну Юпитера. Причем в сопровождении борца в юбке и странного Ушастика. На столетнем корабле с сомнительным названием «Валендра». Разукрашенном беспощадной рукой вышеуказанного борца.

Я закинул последний ящик, задраил люк. Отметил, что задраивается он хорошо — в пазы входит идеально, молекулярная застежка работает незаметно. Может быть, «Валендра» не так плоха, как выглядит? Все-таки Груша, наверное, на самом деле неплохой инженер. Недаром же ей дали допуск на системные полеты. Если она его, конечно, не подделала.

И почему обязательно Груша? Почему именно она занимается научными исследованиями? Почему этими исследованиями не занимается какая-нибудь другая, приличная девчонка? Хотя приличные девчонки тоже занимаются, просто мне так уж «повезло»...

А все Гучковская! И чего она меня так невзлюбила? Я вроде бы ничего плохого ей не сделал...

— Ты что там торчишь? — высунулась из входного люка начальница. — Давай поднимайся, через десять минут коридор откроется.

— Я воздухом дышу...

— На Европе надышишься!

Я окинул тоскливым взглядом Землю. Собственно, Землю не было видно, только доки с корабельной рухлядью, а я бы предпочел сейчас иметь перед глазами что-нибудь более подходящее для такого случая — какие-нибудь леса-поля, скажем. Человек уходит в космос, и неизвестно, вернется ли он обратно, а тут какие-то руины...

Вообще-то я не люблю космос. Большинство ребят просто жить без него не могут, а я вот не люблю. Ничего интересного там нет, одна пустота. Нет, конечно, Заря — неплохая планета, все, кто там был, рассказывают, что рай просто. Но до Зари далеко, а места на кораблях распределяются только между социально полезными лицами, туристы там редкость. Вот родители мои на Заре бывали, а меня дальше Венеры не заносило.

Венера — просто жуть. Космическая Мексика, только кактусы не растут. Даже не Мексика, еще хуже. Как-то раз весь наш уровень в мексиканскую пустыню Атакама возили с экскурсионными целями, так Венера — в пять раз хуже. Кто-то сказал, что Венера похожа на обглоданную кость. Вот уж точно.

А Европа похожа на снежок. Мы на астрографии ее так и называли — Снежок.

— Хватит мечтать! — рыкнула Груша.

Я перестал мечтать и полез вверх.

Корабль меня не разочаровал, внутри был не менее марзматичен, чем снаружи. Места в «бутылочных» кораблях не очень много. Насколько я помнил, существовало всего две модификации — трехместная и пятиместная. «Валендра» оказалась трехместной яхтой, предназначенной для туристических перелетов внутри системы. Ну и до ближних рубежей тоже.

Я преодолел тесный шлюз и оказался в коридоре. Он тянулся вдоль правого борта, а вдоль левого

Эдуард Веркин

борта располагались каюты. Три штуки. Сразу за каютами была рубка, а в корме багажное отделение.

Коридор меня ужаснул. Во-первых, он был выкрашен розовым. А во-вторых было еще хуже — по розовому цвету мелким и каким-то квадратным почерком были написаны стихи. Сначала я подумал, что стихи Грушины, но, вчитавшись, узнал «Карнавал» Михаила Юрьевича Лермонтова и понял, что все гораздо серьезнее. Нет, я, конечно, Михаила Юрьевича уважаю, но...

Короче, что-то во всем этом было ненормальное. Интересно, как Груша проходит медкомиссию с такими особенностями? Завезет нас неизвестно куда, сунет в руки по ультразвуковому лому, и будем мы там рыть какой-нибудь тоннель. Или возводить монумент. Скажем, той самой загадочной Валендре, в чью честь названа наша старая калоша.

Из-под потолка послышался голос Груши:

— Дорогие пассажиры! Займите свои места по штатному расписанию, через четыре минуты наш корабль отправляется в полет.

И в качестве добавки:

— Тимоня, черепашка моя, быстро в рубку! Размажет по стенкам — я соскребать не буду!

Я представил свои выжатые внутренности рядом с бессмертными строками: «Несчастье будет с вами в эту ночь...» — и поспешил в рубку.

Барков уже был там — сидел смирно в крайнем правом кресле. Мне издали даже показалось, что он вроде как пребывает в бессознательном состоянии. Вообще-то, честно говоря, я не сразу разглядел Баркова, а первым делом заметил маленького утконоса, свисающего мордой вниз с потолка. Чучело! Утконос покачивался в струях воздуха из кондиционера и блеснул глазами. Как, интересно, Груша тут соби-

рается осуществлять навигацию? Ведь сушеная полувыдра чуть не половину экрана перекрывает...

Я ткнул утконоса пальцем в нос. Он оказался на удивление упругим.

— Твой, что ли? — спросил Баркова.

— Не, Лины.

Оказывается, сокращенное от Аполлинаруи — Лина. Интересно, а мне ее так можно называть? Нет, мне, наверное, нельзя...

— И зачем тут сушеный недозверь нужен? — задал я вполне логичный вопрос.

— Не знаю, — осторожно сказал Барков. — Может, для того, чтобы сглаз отваживать?

— Что отваживать? — не понял я.

— Сглаз.

— Что такое «сглаз»? — снова не понял я.

— Сглаз — это когда к тебе неудачи привязываются, — пояснил Барков. — Видимо, Лина увлекается мистикой. А может, и нет.

— Чем?

— Мистикой. Если хочешь, я расскажу...

Рассказать Барков не успел — в рубку протиснулась обладательница мумифицированного яйцекладущего млекопитающего. Интересно, что у них на «Блэйке» произошло, если Барков знает про какие-то там сглазы? Я вот не знаю. Надо будет как-нибудь расспросить его поподробнее.

Груша с трудом уместилась в центральном кресле и приняла шкиперский вид. Наверное, сейчас толканет какую-нибудь затертую космическую сказку, типа «спокойной плазмы», или «семь футов под килем», или даже «порвем пространство на британский флаг»...

И Груша меня не подвела.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Эдуард Веркин.</i> ПЛАНЕТА ЧУДОВИЩ.	5
<i>Елена Усачева.</i> ПЯТНИЦА — GAME OVER	207
<i>Евгений Некрасов.</i> ПОВЕЛИТЕЛЬ КУКОЛ	319

